

Андрей Герасимов

Волшебный глобус

с иллюстрациями автора

Андрей Герасимов

Волшебный глобус

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72144724

SelfPub; 2025

Аннотация

Вы думаете, сказочные джинны живут только в лампах и кувшинах? А вот и не угадали! Существуют ещё и глобусные джинны. Они умеют переносить людей в любую точку земной поверхности, изображённую на их глобусе.

Желаете отправиться в пустыню Сахара или джунгли Амазонки? Пожалуйста! А может, вам по душе прогулки по просторам загадочной Австралии? Нет проблем! Собирайтесь в дорогу и вращайте волшебный глобус. Только не забудьте произнести заклинание...

В форме увлекательной юмористической сказки повесть знакомит юных читателей с основами географии и чудесами далекой загадочной Австралии.

Книга проиллюстрирована автором.

Содержание

1. Соня и Моня	5
2. Христофория, Викингия, или Египтяния?	10
3. Ш. Л. Ю. П.	15
4. Старинный глобус	21
5. Глобусник	27
6. Первый блин	35
7. Гранит науки	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Герасимов

Волшебный глобус

География – это интересно и весело.

1. Соня и Моня

Жили-были... Впрочем, почему «жили-были»? И по сей день преспокойно себе живут-бывут... Постойте-ка, а есть ли такое слово «бывут»? Пожалуй, что нет.

Попробуем зайти с другой стороны.

В городе Солнечноморске, на улице адмирала Ивана Фёдоровича Крузенштерна, в кирпичном доме с круглой башенкой, живут-поживают, добра наживают Моня и Соня Коржиковы. Моня и Соня – брат и сестра. Родные. Но, несмотря на это, очень разные. Моня – весьма серьёзный мальчик с чёрными, как смоль, волосами и умными карими глазами (как у папы). А Соня – бойкая светло-русая девчушка-хохотушка с глазищами цвета неба (как у мамы). Моня совсем недавно отпраздновал свой одиннадцатый день рождения, а Соня никак не может дождаться первого сентября. В первый день осени ей как раз исполнится ровно семь, и она наконец-то пойдёт в школу.

Соня – это, конечно же, София. А вот Моня – это вовсе не Соломон, как можно было бы предположить, – а Парамон. Да, Парамон. Имя звучное, солидное, красивое. Между прочим, с древнегреческого переводится, как «верный», «твёрдый», «надёжный». И действительно – более верного и надёжного человека, чем брат, Соня Коржикова не знала. Ну, разве только папа и дедушка могли посоревноваться с Мо-

ней в надёжности.

Кстати, Моне́й брата звала одна лишь Соня. Так сказать, за компанию. А что, звучит: Соня – Моня, Моня – Соня. Даже в рифму получается – как в стихах. Папа, мама и бабушка всегда величали мальчика полным именем – Парамон. И только бабушка ласково кликала вну́чка Парамошей.

Соня и Моня жили душа в душу. «Как кошка с собакой,» – улыбался папа... Нет, папа ничего не перепутал. И вовсе даже не шутил. Просто известное выражение «как кошка с собакой» (обычно означающее лютую вражду) он использовал в смысле, понятном лишь членам семейства Коржиковых. Всё дело в том, что в доме с башенкой помимо Мони, Сони, папы, мамы и бабушки с бабушкой жили ещё и животные: огненно-рыжий кот Факел и похожий на детский мячик круглобокий мопс Шарик. Других таких неразлучных друзей было попросту не отыскать. Факел и Шарик ели из одной миски, весело гоняли по всему дому плюшевую корову Пу́фу и спали на одной подстилке, уткнувшись друг в дружку влажными носами. По этой причине расхожий оборот «как кошка с собакой» в семье Коржиковых означал понятие, абсолютно противоположное общепринятому, – а именно «как закадычные друзья».

Соня всегда и во всём слушалась старшего брата. Авторитет Мони был непререкаем. А как могло быть иначе? Моня уже вон – четвёртый класс закончил. Столько всего разного знает. У него не голова – компьютер! По крайней мере,

так дедушка говорит. А как быстро Моня читает. О-о-о! Со скоростью бабушкиной швейной машинки. Что там быстро – как много! Моня не читал – «глотал» книги. В неограниченном количестве. Причём «глотал» он не какие-нибудь там детские сказочки да комиксы, а вполне себе взрослые книги. Особенно Моня любил книги о путешествиях и дальних странах. Видно, пошёл в дедушку, папиного папу, Бонифация Евпатьевича Коржикова – капитана дальнего плавания в отставке. А может быть в маму с папой. Им тоже никогда не сидится на месте. Постоянно пропадают на каких-то симпозиумах. Вот и опять – умчались в Москву на международный конгресс, посвящённый проблемам изучения Венеры. Ведь Нил Бонифатьевич и Виталина Викентьевна – учёные-астрономы.

Соня в отличие от Мони читала медленно, хотя уже и не по слогам, как полгода назад. А писала и вовсе – со скоростью неторопливой черепахи. И исключительно печатными буквами. Но ничего, первое сентября не за горами. Всего два месяца осталось подождать, с маленьким хвостиком. Если подумать, это не так уж и много.

А пока – Моня читал Соне вслух. Девочка обожала этот обязательный ежедневный ритуал. Особенно ей нравились истории про пиратов и индейцев.

– Вырасту, – мечтательно закатив глаза, говорила Соня, – стану настоящей индейкой.

– Не индейкой, а индианкой, – поправлял сестрёнку

брат. – Индейка – это птица такая, из отряда курообразных. К тому же индейцем стать нельзя, им надо родиться.

– Всё равно, – топала ножкой Соня. – Тогда я буду как индианка. Я даже имя себе индейское уже придумала.

– Какое же?

– Быстрая Пума! Я же родилась в год тигра.

– Так то по китайскому календарю, а не по индейскому, – улыбался Моня.

– Какая разница! – потешно махала рукой Соня и, словно всамоделешная пума, с разбегу прыгала на стоящий в дальнем углу диван.

Процесс ежедневного чтения дети превращали в увлекательную игру. Для начала они сооружали в гостиной «вигвам»: приставляли друг к дружке два кресла с высоким спинками и накрывали их сверху огромным двуспальным одеялом. Затем залезали внутрь и зажигали лампу «летучую-мышь». Только не керосиновую, а светодиодную. За противопожарной безопасностью детских забав строго следил дедушка – путешественник с полувековым стажем. Всё ещё шутил: «В моём детстве у нас в парке культуры была изба-читальня, а у наших озорников – вигвам-читальня».

Своими размерами «вигвам», конечно, не мог сравниться с избой, но двух ребятшек он вмещал спокойно. Моня с лампой располагался на одном кресле, а Соня – клубочком сворачивалась на втором. Порою ей под бок присосеживались Факел и Шарик. Они тоже любили слушать, как Моня

читает вслух. Читал мальчик всегда с выражением, по ролям. А какие звуки он издавал при этом! То завоет, как арктическая буря, то зашипит, словно кобра, то затрубит, точно индийский слон, а то и вовсе – заголосит, ровно вышедший на тропу войны краснокожий охотник за скальпами.

– Артист! – усмехался в пышные капитанские усищи дедушка. И добавлял, в шутку переиначивая название известной американской киностудии: – «Парамон-пикчерз» представляет...

2. Христофория, Викингия, или Египтяния?

Как-то раз ранним июньским утром Парамон читал Соне (а также забравшимся в «вигвам-читальню» Факелу и Шарику) увлекательную книгу о жизни великого мореплавателя Христофора Колумба.

– Колумб, – читал Моня, – совершил четыре плавания к берегам Америки. Восемь раз он пересекал Атлантический океан. При этом мореплаватель полагал, что открыл морской путь из Европы в Индию. Поэтому открытые им земли Колумб назвал Вест-Индией (то есть Западной Индией), а местных жителей – индейцами.

– Неужели он так и не догадался, что открыл новый материк? – удивилась Соня.

– Нет, не догадался, – покачал головою брат. – До самой смерти великий путешественник считал, что плывал в Азию. О том, что Колумб открыл неизвестную до той поры часть света, стало известно гораздо позже. И самое обидное, – посоветовал Моня, – открытый Колумбом материк был назван по имени другого мореплавателя – Америго Веспуччи, который плывал к Америке несколькими годами позже.

– Какая несправедливость! – воскликнула Соня. Она бы ещё и ножкой топнула, да теснота и низкий потолок «вигва-

ма» не позволили ей этого сделать. – Я считаю, неправильно называть Америку Америкой. Ведь открыл-то её не Веспуччи, а Колумб. Надо срочно переименовать Америку!

– И как ты предлагаешь её назвать? – любопытно спросил Моня.

– Колумбией.

– Не, не пойдёт. Так называется одна страна в Южной Америке. Ведь тогда придётся и её переименовывать.

– Ну, тогда назовём Америку Христофорией, – не сдавалась Соня. – А что – Северная Христофория и Южная Христофория, звучит.

– Звучит, – улыбнулся мальчик. – Но только что тогда делать с викингами?

– А кто такие викинги?

– Викинги? Средневековые морские бродяги. Мореходы-воители из Скандинавии. Скандинавия – это там, где сегодня находятся Норвегия, Швеция и Дания.

– И при чём тут эти морские бродяги? – удивилась Соня.

– Видишь ли, – начал Моня, – викинги плавали в Америку задолго до Колумба. Вот только об их плаваниях и открытиях в средние века в Европе мало кто знал. Активное освоение Нового Света – так порою называют Америку – началось лишь после плаваний Колумба. Можно сказать, именно он по-настоящему открыл для всего мира Америку. Но викинги всё-таки были первыми.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Соня. – Первыми

были викинги. Но первооткрывателем все считают Колумба. А назвали Америку и вовсе – в честь Америго Веспуччи. Неразбериха какая-то. – Девочка задумалась, почесала затылок. Через несколько секунд радостно выпалила: – Придумала! Тогда надо назвать Америку Викингией! Чтобы уж точно всё было по справедливости.

– А как же нам быть с древними египтянами? – послышался из-за стенки «вигвама» голос дедушки. Бонифаций Евпатьевич явился случайным свидетелем детского разговора. Он так же находился в гостиной. В своей любимой тельняшке сидел на своём любимом диване и предавался своему любимому занятию – решал кроссворды. Обладая поистине энциклопедическими познаниями в области околосельских наук, дедушка изводил наисложнейшие кроссворды пачками.

Настала Мониная очередь удивляться. Он высунул голову из-под одеяла, спросил у дедушки:

– А какое отношение к Америке имеют древние египтяне?

– Ну как же. Существует теория, что жители Древнего Египта могли добираться до берегов Америки на папирусных лодках. Папирус – это такое водно-болотное травянистое растение. В древности его использовали для самых разнообразных нужд. Например, из папируса изготавливали материал для письма, заменявший в древности бумагу. Так же из него делали ткани, верёвки, обувь, корзины, и даже лодки. В прошлом веке знаменитый норвежский путешественник –

наследник тех самых викингов – Тур Хейердал провёл такой эксперимент: по старинным рисункам он построил судно из папируса и назвал его «Ра» – в честь древнеегипетского бога Солнца. На этом судне Хейердал вместе со своими товарищами пересек Атлантический океан, доказав тем самым, что подобные плавания могли совершать и древние египтяне. Ведь недаром египетские и американские пирамиды во многом похожи.

Следом за братом из «вигвама» высунулась и Соня (за ней показались смешные мордашки Факела и Шарика). Девочка заголосила:

– Тогда давайте переименуем Америку в Египтянию!

Дедушка расхохотался, сказал:

– Не всё так просто, внученька, не всё так просто. Некоторые исследователи утверждают, что задолго до Колумба, помимо египтян и викингов, в Америку могли плавать финикийцы, римляне, древние евреи и даже китайцы с японцами. Правда, серьёзных доказательств у всех этих версий нет... Так что думаю, лучше оставить за Америкой её нынешнее название. Люди за пятьсот лет уже успели к нему привыкнуть.

Соня тяжело вздохнула. Ей жутко не хотелось отказываться от идеи переименования Америки. Но уж больно много выискалось претендентов на звание первооткрывателей. Назовешь Египтянией – обидишь китайцев с финикийцами. Наречешь Римлянией – японцы с евреями осерчают.

– Ну, ла-а-адно, – с неохотой протянула Соня, – пускай остаётся Америкой. – Добавила с лёгкой завистью: – А всё-таки повезло этому Веспуччи. Даже первым не был, а в честь него вон – целый материк назвали.

– Два материка, – уточнил Моня.

– Точно. А тут живёшь себе в двадцать первом веке – и даже открыть-то нечего. Всё уже давно открыли. А как было бы здорово – открыть хоть какой-нибудь завалящий клочок суши! Пусть даже ну о-о-очень малюсенький, крохотулечный.

– И как бы ты его тогда назвала? – спросил Моня.

– Соня! – с гордостью отчеканила Соня.

3. Ш. Л. Ю. П.

– Сония? – переспросил Моня. – Какое смешное название.

– Это почему же смешное? – обиделась Соня. – Нормальное название. Вот если бы ты какую-нибудь землю открыл, то название гораздо бы смешнее получилось: Парамония.

– Парамония! Ха-ха-ха! – покотился со смеху Моня. – И как бы называли жителей этой земли – парамонцами?

– Парамонийцами, – с важным видом поправила брата Соня.

Слово снова взял дедушка:

– О Сониях, Парамониях и прочих неизвестных науке клочках суши ничего не скажу – возможно, таковых и в самом деле на Земле уже не осталось. А вот насчет других природных чудес я с тобою, внученька, пожалуй, не соглашусь. Знаешь, сколько ещё на нашей планете всякого-разного, неоткрытого? О-о-о! Не то что на ваш век, ещё на ваших внуков-правнуков останется.

– Это как же так? – сразу за двоих – и за себя, и за Соню – удивился Моня. – Неужели в наш век космических полётов и всеобщей компьютеризации где-то что-то ещё да не открыли?

– А то, – подкрутил пышный ус дедушка. – Клянусь крьюйс-бом-брамселем!

Дедушка любил ввернуть в беседе какой-нибудь мудрёный морской термин. Крюйс-бом-брамсель – это название одного из парусов, каковых на уважающем себя парусном судне имеется превеликое множество. Дедушка, хоть и ходил по морям не на паруснике, а на пароходе, названия всех парусов знал назубок.

– Известно ли вам, мои юные друзья, – хитро прищурился Бонифаций Евпатьевич, – что свыше семидесяти процентов поверхности Земли занимает Мировой океан? А изучен он лишь примерно на пять процентов. Вот и подумайте: много ли мы знаем о своей планете?.. Да что там океан! И на суше порою происходят удивительные открытия. Ежегодно на земном шаре обнаруживаются новые виды растений и животных. И поверьте, речь идёт не о каких-нибудь там малюсеньких букашках, или инфузориях. Порою учёным удаётся обнаружить млекопитающих весьма приличных размеров. Например, несколько лет назад в джунглях Бирмы – это такая страна в юго-восточной Азии – обнаружили новый вид обезьян. А обезьяна – это вам всё-таки не муравей.

– Вот здорово! – выпалил Моня.

– И я хочу отыскать в джунглях какое-нибудь неизвестное науке животное! – крикнула Соня. – Пусть и не такую большую, как обезьяна. Пусть даже крохотулечную. Какую-нибудь ма-а-ахонькую козявочку.

– И как же ты эту ма-а-ахонькую козявочку назовешь? – с усмешкой спросил Моня. – Небось, опять сонией?

– Нет, не сонией, – ответила Соня. – Ты разве не знаешь, что учёные дают растениям и животным названия на латинском языке? Чтобы путаницы не было.

Парамон, естественно, об этом знал. Мало того – он сам об этом несколько дней назад рассказал сестрѐнке.

А Соня с умным видом продолжала:

– Я назову эту букашечку «Соникус Коржикус».

– Как-как? – переспросил Моня.

– Соникус Коржикус, – повторила Соня. Растволковала для непонятливых: – В переводе с латинского это значит «Соня Коржикова».

Соня считала латынь самым простым языком на свете. «А что, – говорила девочка, – гораздо проще русского. В латинском языке всё как пишется, так и слышится. Никаких тебе правил. И переводить с русского на латынь весьма просто. Знай себе лишь «кус» в конце каждого слова прибавляй. Книга будет книгикус, стул – стуликус, машина – машиникус... Вот только буквы в латинском языке почему-то английские» ...

– Соникус Коржикус! Ой, умора! – Моня схватился за живот и покотился со смеху. Покотился в прямом смысле этого слова – прямо по полу.

– Дедуль, – насупилась Соня, – а что это Моня надо мною смеётся!

Дедушка сам еле сдерживался, чтобы не расхохотаться. С трудом сохраняя серьёзный вид, он сказал:

– Наверное, завидует.

– Точно, – охотно согласилась с дедушкой Соня.

А «завистник» тем временем поднялся с пола, немного успокоился, резонно заметил:

– Чтобы открыть новую козявочку и назвать её «Соникус Коржикус», для начала тебе придётся поехать в какое-нибудь малоизученное место. А ты дальше дачи нигде и не была.

– Можно подумать, ты был, – огрызнулась Соня.

– И я не был, – согласился Моня.

– То-то же, – сказала Соня и примирительно протянула брату мизинчик.

Тот зацепился за мизинец сестры своим, и дети дружно произнесли вслух свою любимую мирилку:

– Мирись, мирись, мирись – и больше не дерись. А если будешь драться, то я буду кусаться. А кусаться нам нельзя, потому что мы – друзья!

Мир был заключён, конфликт исчерпан.

Соня вновь повеселела, выпалила:

– Решено: вырасту – буду не индианкой, а путешественницей. И обязательно заберусь в какой-нибудь мало изученный уголок нашей планеты.

– И я хочу быть путешественником! – подхватил Моня. – Как Колумб! Ну, или хотя бы как Веспуччи.

– Дедушка, – спросила Соня, – а где учат на путешественников?

– На путешественников? – Бонифаций Евпатьевич задумался. – Гм, даже не знаю... Можно, конечно, как я – закончить мореходное училище, и стать моряком. Моряки много путешествуют... А можно... – В дедушкином взоре сверкнула лукавая хитринка. – А можно сделать так. Не откладывая дело в долгий ящик, мы с вами откроем свою собственную школу – школу юных любознательных путешественников. Сокращенно – «ШЛЮП».

– А при чём тут шлюп? – удивилась Соня. – Насколько я помню, шлюп – это тип парусного корабля.

– Правильно помнишь, – улыбнулся дедушка. Это он посвятил внучку в тонкости кораблестроения, и теперь Соня знала, чем шлюп отличается от фрегата и бригантины. – Кстати, именно на шлюпе под названием «Надежда» совершил первое русское кругосветное плавание Иван Фёдорович Крузенштерн – знаменитый мореплаватель, в честь которого названа наша улица... Но в нашем случае слово «ШЛЮП» – это не только тип корабля, но и аббревиатура.

– Аберевитура? – Соня так и не смогла правильно выговорить головоломное слово.

– Не аберевитура, а аббревиатура, – поправил сестрёнку Моня. Пояснил: – Это слово, образованное из начальных букв других слов.

Парамон порою любил немного поумничать, позадирать нос. Вычитает в какой-нибудь толстенной книге какое-нибудь умное словечко, и ну задаваться. Вот и теперь: распу-

шил хвост, умничает:

– Например, США. Страна такая в Америке. Расшифровывается как Соединённые Штаты Америки. Так и тут: ШЛЮП – Школа Любознательных Юных Путешественников. Понятно?

– Понятно, – ответила Соня. – Чего ж тут непонятного. А-бе-ре-ви-ту-ра.

4. Старинный глобус

Дедушка не любил откладывать дела в долгий ящик. От слов сразу же перешёл к делу.

– У всякой уважающей себя школы, – сказал он, – должно быть помещение. А у школы путешественников – должно быть не просто помещение, а помещение, пропитанное духом романтики и дальних странствий!

По этой причине под Школу Любознательных Юных Путешественников дедушка отдал свой личный кабинет.

Кабинет Бонифация Евпатьевича располагался в круглой башенке, на втором этаже, под самой крышей. Более пропитанного духом романтики и дальних странствий помещения в доме семейства Коржиковых отыскать было попросту невозможно. За полвека дедушка избородил земной шар вдоль и поперёк. Из каждой поездки он обязательно привозил какую-нибудь диковинку. И теперь – его кабинет напоминал настоящий музей.

Чего здесь только не было. Огромный аквариум с настоящими кораллами и пёстрыми коралловыми рыбками. Висящий на стене засушенный краб-паук, раскинувший свои длиннющие ноги от потолка до самого пола, и приспособленное под абажур чучело рыбы-шара. Сделанный из носа рыбы-пилы полинезийский меч и двухметровый бивень нарвала. Акульки зубы и китовый ус. Индейский боевой топорик

– томагавк и тугой монгольский лук. Мексиканское сомбре-ро и турецкая феска. Испанские кастаньеты и африканский тамтам. Корабельный колокол и корабельный же якорь. Подзорная труба и боцманская дудка. Поднятая с морского дна древнегреческая амфора и даже золотой дублон с затонувшего испанского галеона. А также книги, книги и ещё раз книги. Очень много книг. Другого такого книгочея как Бонифаций Евпатьевич Коржиков следовало ещё поискать. Ну, разве только Моня со временем сможет догнать дедушку по количеству прочитанных книг (лет так через двадцать, вряд ли раньше).

Следует добавить, что вместо обоев дедушкин кабинет был оклеен морскими картами. А роль окна выполнял настоящий корабельный иллюминатор!

Детям обычно не разрешалось заходить в дедушкин кабинет, поэтому известие, что занятия в Школе Любопытных Юных Путешественников будут проходить именно здесь, привело их в неопиcуемый восторг.

– Проходите, проходите, не стесняйтесь. – Дедушка ласково подтолкнул внучат в спины.

За детьми в кабинет проскользнули Факел и Шарик.

Соня прокрутилась на месте юлой, заявила:

– Я прямо чувствую, как всё здесь пропитано духом дальних странствий!

Девочка зажмурилась и жадно втянула ноздрями воздух. Какая-то невидимая соринка залетела ей прямо в нос, и юная

егоза громко чихнула:

– Апчхи!!!

Моня рассмеялся, а дедушка смущённо развёл руками:

– Пыль дальних дорог.

– Ничего, – шмыгнула носом Соня, – надо привыкать. А то вот поедем скоро в какую-нибудь Сахару – так там, говорят, частенько песчаные бури случаются. Так что надо тренироваться дышать пылью.

– Экая ты шустрая, – взъерошил светло-русую шевелюру внучки дедушка. – В Сахару она, видите ли, собралась.

– А почему бы и нет? – поддержал Соню Моня. – Там интересно. Там верблюды, вараны, скарабеи. Я в книжке одной читал.

– Ох вы мои торопыги! – прищурился дедушка. – Прежде чем отправиться в первое путешествие, нам придётся немного погрызть гранит науки.

– А мне нельзя камни грызть, – пролепетала Соня. – У меня и так три зуба уже выпало, и ещё два шатаются. – Девочка широко распахнула рот, демонстрируя деду сильно прожеженные ряды белоснежных зубов.

– Это я образно, о граните-то! – усмехнулся дедушка. – В том смысле, что сперва вам надо бы теорию подтянуть. Вот научитесь читать карты, пользоваться компáсом, – (дедушка, как и все моряки, всегда говорил «компáс», а не «кóмпас»), – ориентироваться по солнцу и звёздам, измерять атмосферное давление, определять широту и долготу – вот то-

гда и подумаем о путешествиях.

– У-у-у! – выкатила нижнюю губу Соня. – Это ж сколько нам придётся ждать?

– А это только от вас зависит, – ответил дедушка. – Как учиться будете.

– Так что же мы медлим?! – как порох вспыхнула Соня. – Давайте же скорее начинать!

– Давайте. И начнём мы, пожалуй... – Дедушка оглянулся по сторонам. Его взор упал на стоявший на письменном столе старинный испанский глобус восемнадцатого века. Дедушка лет двадцать тому назад по чистой случайности купил его на рынке в Малаге. – Начнём мы с глобуса. Вы, конечно же, знаете, что это такое?

– Конечно, знаем, – опередила Моню с ответом Соня. Отчеканила: – Глобус – это модель земного шара.

– Весьма похвально для дошкольницы, – сказал дедушка. – Это я её научил, – обиженно пробормотал Моня. Он постоянно проигрывал в расторопности младшей сестре. Даже за завтраком – пока Моня доедал первый бабушкин пончик, Соня уже успевала схомячить штуки три, а то и четыре. Такая вот она, скоростная.

Дедушка взял в руки глобус, сдул с него «пыль дальних дорог», сказал:

– С латыни слово «глобус» переводится как «шар».

– Да? – удивилась Соня. – А я думала «шар» на латыни будет «шарикус».

– Нет, – улыбнулся дедушка, – глобус.

– Это что ж получается? Значит, нашего Шарика в Древнем Риме звали бы Глобусом? Вернее даже не Глобусом, а Глобусиком. Ведь он у нас всё-таки Шарик, а не Шар.

– Получается, что так, – усмехнулся Моня.

Шарик-Глобусик, высунув красный язычок, тарасил умные круглые глазища на людей, словно понимал, что они говорят именно о нём. Пёс действительно походил на маленький плюшевый глобусик. Такой же обтекаемый и круглый. Вот только с пухлыми лапками и хвостиком-бубликом.

– Кстати, – обратился к внучатам дедушка. – Кто из вас сможет показать мне Америку, из-за которой и разгорелся весь этот сыр-бор?

– Америку? – переспросила Соня. – Это которая Христофория-Викингия-Египтяния?

– Да-да, та самая. Найдёшь? – Дедушка вручил Соне глобус.

– Отыщем, – убеждённо заявила девочка, принимая модель земного шара. – Мне Моня в книжке карту показывал. Там всё просто. Америка где-то между Европой и Азией.

Соня что есть мочи крутанула глобус против часовой стрелки. Глобус бешено завертелся. Изображенные на нём моря, океаны, материки и острова размылись в одно радужное пятно. Глобус стал похож на огромный ёлочный шар весьма необычной расцветки.

– Ух ты, красотень! – воскликнула Соня. – А это что за

штучка такая? – Девочка показала на маленькую, вырезанную из слоновой кости пимпочку, прикрепленную к оси глобуса прямо над Северным полюсом. – Похоже на шахматную фигуру. На пешку.

Не успел никто и слово сказать, как юная егоза надавила на костяную «пешку», словно на кнопку лифта.

Как ни странно, но фигурка поддалась! «Пешка» по самую головку «утонула» в глобусе. Тот резко прекратил вращаться. Внутри него что-то щёлкнуло и зашипело.

Соня ойкнула и выронила глобус.

Тот покатился по полу, не прекращая при этом противно шипеть. Потом и вовсе – завертелся на месте сумасшедшим волчком, и из его недр повалил густой ядовито-малиновый дым.

5. Глобусник

Первыми на странное поведение глобуса отреагировали Факел и Шарик. Животные жалобно завизжали и со всех ног бросились наутёк. В мгновение ока они забились под большое кожаное кресло. Вон – только хвосты торчат. Примеру четвероногих последовал и дедушка. Нет, конечно же, он не стал забираться под кресло (он попросту бы там не поместился). Дедушка схватил за шкивратки Соню и Моню и вместе с ними укрылся за массивным письменным столом. Вдруг как странный глобус сейчас взорвётся?

Но нет, глобус не взорвался. Не переставая испускать из своих недр густой малиновый дым, он вдруг перестал вращаться. Затих, замер.

Соня, Моня и дедушка насторожились. Что же будет дальше?

А дальше...

– Слушаю и повинуюсь! – послышался со стороны малинового облака глухой голос с явственным акцентом.

– Кто здесь? – отчего-то шепотом спросил дедушка.

– Я, – раздалось из облака. Казалось, что это облако разговаривает с дедушкой.

– Кто это «я»? – присоединилась к беседе дедушки с облаком Соня.

– Глобусный джинн, сеньорита, – ответило облако и на

глазах начало преобразаться.

Вот облако сгустилось, уплотнилось – и вдруг стало похоже на старинного капитана в треуголке и малиновом камзоле с золотыми эполетами. Кожа облачного капитана имела неестественный лиловый оттенок. Правый глаз был закрыт чёрной повязкой, а в левом ухе сверкала огромная золотая серьга. Такие повязки и серьги в Мониных книгах обычно носили пираты.

– Ур-р-ра, джи-и-инн! – восторженно заголосила Соня.

– Глобусный джинн, – уточнил обладатель треуголки, малинового камзола и золотых эполет. – От простых джиннов мы отличаемся тем, что живём не в лампах, а в глобусах. – Добавил: – Исключительно в глобусах.

– Значит, вы – глобусник, – выполз из-под стола осмелевший Моня.

– Это ещё почему? – изумился глобусный джинн.

– Ну, как же. Наши предки, древние славяне, верили, что в лесу живут лесовики, в полях – полевики, в болотах – болотники, в овинах – овинники, а в банях – банники. Значит, в глобусах живут глобусники.

– Хм, – хмыкнул глобусный джинн, – не лишено резона.

– А то, – подмигнул глобуснику Моня.

Джинн прищурил единственный глаз, и словно пробуя новое для себя слово на вкус, произнёс по слогам:

– Гло-бус-ник... – Улыбнулся: – А что, мне нравится.

Тут наконец и дедушка обрёл дар речи. Он тихо сказал:

– Кто-нибудь, ущипните меня. Неужели мне всё это не снится?

– Конечно же, нет! – затараторила Соня. – А что тут такого? Обыкновенный джинн.

– Глобусный джинн, – вновь поправил тараторку обитатель глобуса. – Можно просто – глобусник.

– А давайте знакомиться, – предложила Соня. И подала всем пример: – Меня зовут Соня. Но можете называть меня и моим индейским именем – Быстрая Пума.

Моня хмыкнул и тоже представился:

– Парамон.

– Бонифаций Евпатыевич, – подал из-за стола голос дедушка. Он всё ещё не мог поверить в реальность происходя-

щего.

Глобусник снял треуголку и вывел её в воздухе какую-то замысловатую завитушку (знать, у них, у глобусных джиннов, так принято). Потом он важно откашлялся и торжественно произнёс:

– Разрешите представиться! Меня зовут дон Мигуэль Хуан де Гарсиа.

– Ничего себе имечко, – аж присвистнула Соня.

– Испанское, – шепнул сестре Моня. – Впрочем, это и не удивительно. Глобус-то дедушка купил в Испании.

– Точно, – кивнул глобусник. Вероятно, он расслышал слова мальчика. – Я родом из славного испанского городка Палос-де-ла-Фронтера, откуда в августе 1492 года Христофор Колумб отплыл на запад, навстречу самому величайшему свершению в своей жизни. Кстати, мой двоюродный прапра-прадедушка дон Чучо Фабиан де Гарсиа жил в глобусе, который незадолго до своего знаменитого плавания внимательно рассматривал Колумб. На этом глобусе ещё не было Америки.

– Дон Чучо, – прыснула от смеха Соня. – Какие странные у вас в Испании имена. А как это будет по-нашему? Вот, например, ваше имя.

– Мигуэль – по-русски будет Михаил, – блеснув эрудицией, вместо глобусника ответил дедушка. Он начал потихоньку привыкать к присутствию в своём кабинете в некотором роде сказочного существа.

– А Хуан – это по-нашему Иван, – не отстал от деда в сверкании эрудицией Моня.

– Значит, по-русски вас будут звать Михал Иванович де Гарсия? – спросила у глобусника Соня.

– Наверное, да, – растерянно согласился с юной сеньоритой глобусный джинн.

– А можно я вас так и буду называть – Михал Ивановичем? А то мне трудновато выговаривать длинные иностранные слова, вроде всяких там аберевитур. Я ведь ещё даже в школу не хожу.

– Хорошо, сеньорита, договорились. – Глобусник вновь снял треуголку и галантно поклонился Соне.

Девочка покраснела (ей ещё никогда никто не кланялся) и тут же воспользовалась милостивым разрешением глобусника:

– Михал Иванович, раз вы джинн, то, наверное, можете исполнять любые желания? Как Джинни из диснеевского мультика про Аладдина.

– Увы, – пожал плечами глобусник (при этом бахрома на его эполетах смешно зашевелилась, словно щупальца золотой медузы). – Это джинны, живущие в лампах, умеют исполнять любые желания, а мы, глобусники, весьма ограничены в своих возможностях. Мы, если так можно выразиться, специалисты весьма узкого профиля.

– И что же вы умеете? Что у вас за профиль такой?

– Мы лишь умеем переносить людей в любую точку зем-

ной поверхности, изображенную на нашем глобусе.

– Это как? – захлопала пышными ресницами девочка.

– Весьма просто, – ответил Михал Иваныч. – Стоит вам произнести переносильное заклинание «Аргентина манит негра», а потом назвать место, в котором вы хотели бы оказаться – и я тут же вас туда перенесу.

– В любое место на земном шаре?! – переспросила Соня.

– Да, – кивнул глобусный джинн.

– Здорово! Это как раз то, что нам сейчас необходимо! Мы ведь ШЛЮП основали. – Соня пояснила для несведущего джинна: – Это аберевитура такая. Означает – Школа Любознательных Юных Путешественников... Так что ваши волшебные умения, Михал Иваныч, нам позарез как нужны! А то дедушка заставляет нас с Моне́й камни грызть. А нам путешествовать охота, а не дома сидеть, да булыжники жевать.

– Точно! – поддержал сестрёнку Моня. – Даёшь экспедицию! Прямо сейчас! Ура!

– А куда рванём? – спросила брата Соня.

– Например, в Антарктиду, – неожиданно выдал Моня. – Давно мечтаю пингвинов вживую посмотреть.

– Постойте, – хотел было вразумить внучат дедушка. – Какая Антарктида?! Какая экспедиция?!

Но было уже поздно.

Соня быстро проскороговорила:

– Аргентина манит негра! – Не менее быстро добавила: –

Хотим в Антарктиду!

И...

6. Первый блин

...И ничего не произошло. Как стояли Соня, Моня, Бонифаций Евпатьевич и глобусный джинн посреди дедушкиного кабинета, так и продолжали там стоять.

– Ну-у, я так не играю! – обиженно надула губы Соня. – Михал Иваныч, вы что – обманули нас?

Глобусник фыркнул:

– Сеньорита Сонья! – (Как уже говорилось, глобусный джинн изъяснялся с акцентом. Поэтому вместо «Соня» у него получалось «Сонья»). – Как вы могли такое подумать?! Да будет вам известно, глобусных джиннов отличает исключительная правдивость!

– Но почему же мы тогда не в Антарктиде? – пришёл на помощь сестре Моня.

– Во-первых, сеньор Парамон, – начал нравоучительным тоном глобусник, – надо чётче задавать координаты местности, куда вы желаете попасть. Об этом гласит четвёртый параграф Вселенского кодекса глобусных джиннов. А во-вторых, я же говорил: глобусный джинн умеет переносить людей в любую точку земной поверхности, изображённую на его глобусе. А на моём глобусе нет никакой Антарктиды.

– Как так нет? – удивилась Соня.

– Откуда мне знать. Нет, и всё тут. – Задетый за живое глобусник картинно скрестил руки на груди – стал похож на

памятник какому-нибудь пиратскому капитану.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Моня.

– А я, кажется, понимаю, – сказал дедушка. – Всё очень просто. Глобус уважаемого Михал Иваныча, – (дедушка по примеру внучки решил величать глобусного джинна на русский манер), – был создан в восемнадцатом веке. А Антарктиду – открыли лишь в девятнадцатом.

– Точно! – просиял Моня. – Я же совсем недавно об этом читал. И между прочим, открыли Антарктиду русские мореплаватели – Беллинсгаузен и Лазарев.

– И тут несправедливость, – покачала головой Соня. – Открыли Антарктиду русские, а назвали новый материк в честь какого-то иностранца. И имечко у него какое-то странное – Антаркт. Наверное, какой-нибудь грек.

Дедушка и Моня расхохотались. Глобусник воздержался. Он слабо понимал, о чём идёт речь. На его глобусе и вправду не была изображена не открытая ещё в восемнадцатом веке Антарктида. Да и о Лазареве с Беллинсгаузеном он никогда раньше не слышал. Отстал от жизни за несколько веков.

– А чего вы смеетесь? – спросила у дедушки и Мони Соня.

– Над тобою, – утирая выступившие от смеха слезы, ответил Моня. – Опять ты всё перепутала. Нет такого имени – Антаркт.

– Как так нет? – не поняла Соня. – А в честь кого тогда Антарктиду Антарктидой назвали?

Слово взял дедушка. Объяснил:

– Приставка «ант» – с древнегреческого переводится как «противоположность». Следовательно, Антарктида – это противоположность Арктиде, то есть Арктике. Эти примыкающие к полюсам районы действительно находятся на противоположных сторонах земного шара. Смотри. – Бонифаций Евпатьевич поднял с пола глобус. – Арктика – находится здесь, на Севере, а Антарктида – напротив, на Юге. Просто картограф восемнадцатого века не изобразил её здесь. Он ведь не знал о её существовании.

– Эх, жаль, что из-за этого мы не сможем отправиться на Южный полюс, – тяжело вздохнул Мона.

– Не переживай, – успокоила брата Соня. – Не попали на Южный полюс, попадём на Северный. Не увидели пингвинов, полюбуемся на белых медведей.

Не успел дедушка сообразить, что ещё удумала Соня, как юная озорница вновь протараторила:

– Аргентина манит негра! Желаем попасть на Северный полюс!

Хлоп!

Не успели наши герои и глазом моргнуть, как некая волшебная сила перенесла их из тёплого дедушкиного кабинета, на холодную полярную льдину. Разницу в температуре путешественники ощутили мгновенно. И это неудивительно. Ведь на них по-прежнему была лёгкая домашняя одежда: на Соне – сарафан, на Моне – майка и шорты, на дедушке – тельняшка да парусиновые брюки. Ну, и домашние тапочки

у всех на босу ногу. В общем – экипировка не для прогулок по заснеженным льдинам.

А льдины вокруг были именно что заснеженные. Да и температура – скорее всего минусовая. Из носов и ртов неожиданных полярников валил густой пар.

Первым пришёл в себя дедушка. Растерянно спросил:

– И где это мы очутились? И самое главное – как мы здесь очутились?!

Ответил дедушке глобусник (он тоже вместе с остальными перенёсся из кабинета на льдину):

– Мы на Северном полюсе. Как вы и просили. А перенёс вас сюда я. Это моя работа. Сеньорита Соня произнесла закливание и указала место, куда желает попасть. А я всего лишь исполнил её желание. Всё по Вселенскому кодексу глобусных джиннов. – На всякий случай уточнил: – Это прописано в третьем параграфе.

– Ур-р-ра! Сработало! – радостно завопила Соня. – Мы на Северном полюсе!

Впрочем, радость девочки тут же пошла на убыль. Уж больно на полюсе было холодно. Дети мгновенно покрылись «гусиной кожей», а их носы теперь напоминали редиски – такие же розовые с белыми кончиками.

– Полюбовались белыми медведями, – отбивая зубами чётку, проворчал Моня.

Дедушка решил действовать. Вспомнив своё капитанское прошлое, он сложил руки рупором и принялся командовать:

– По местам стоять, с якоря сниматься! Всем живо укутаться и растереть носы! Да не снегом, а рукавицами!.. Тьфу ты! Рукавиц-то у нас как раз и нет! Да и укутаться здесь не во что!

Но дедушка не растерялся. Быстро снял с себя тельняшку и натянул её на Соню и Моню – сразу на обоих. Получилось смешное полосатое чудо-юдо: малорослое, двухголовое, с четырьмя ногами.

– Дедушка, – сказала одна из голов «чудо-юды» (та, что была посветлее и с косичками), – а как же ты?

– Ничего, – отмахнулся дедушка, – я привычный.

Бонифаций Евпасьевич не шутил. Он действительно был привычен к морозам. Каждое утро, невзирая на время года и погоду, он в одних лишь спортивных трусах выбегал в соседний парк на километровую пробежку. А зимою постоянно обтирался снегом и даже купался в проруби.

Вот только внучат дедушка никак не мог приучить к моржеванию: Соня и Моня любили тепло. А поэтому следовало поскорее вытаскивать их с полюса.

Дедушка нахмурился, грозно посмотрел на глобусного джинна.

– Михал Иваныч, ну и шуточки у вас!

– Какие шуточки? – тоном невинного младенца заверещал глобусник. – Я всего лишь делал свою работу – исполнял желание сеньориты Соньи.

– Нашли кого слушать, – фыркнул дедушка. – А если бы

она вас попросила доставить нас на вершину Эвереста? Вы бы её тоже послушались?

– Да, – кивнул глобусник. – Я ведь раб глобуса. И не могу отказать его хозяину в исполнении желания. О чём, кстати, гласит двенадцатый параграф Вселенского кодекса глобусных джиннов.

– Вот что, раб глобуса, – сурово сдвинул кустистые брови дедушка. – А ну-ка живо возвращай нас назад!

– Не всё так просто, – покачал головою глобусный джинн. – Для того, чтобы вернуться туда, откуда вы отправились в путешествие, вам следует произнести переносильное заклинание задом наперёд.

– Задом наперёд? – переспросил дедушка.

– Да. Таков порядок.

– Да я в жизни не выговорю эту абракадабру!

Тут в разговор вступил Моня (вторая голова полосатого «чудо-юды» – та что потемнее и без косичек):

– Я знаю, что надо делать! Надо написать текст заклинания на снегу и просто прочитать его задом наперёд!

– Да ты голова! – похвалил внука дедушка и быстро, прямо указательным пальцем, написал на снегу:

АРГЕНТИНА МАНИТ НЕГРА

Читать стали все вместе. Даже Соня (несмотря на то, что читала она очень медленно, по слогам), помогала дедушке и брату.

– Арген тинам анитнегра.

– Ой! – воскликнул Моня. – Получилось то же самое: «Аргентина манит негра»!

– Всё ясно, – сказал дедушка. – Это фраза-палиндром.

– Палин что? – не поняла Соня.

– Палиндром, – повторил дедушка. – Фраза-перевёртыш.

Она читается абсолютно одинаково в обоих направлениях: как справа налево, так и слева направо. Пожалуй, самый известный палиндром придуман русским поэтом Афанасием Фетом. А звучит он так: А роза упала на лапу Азора.

– Я знаю, я знаю! – заголосила Соня. – Это из сказки «Золотой ключик». Нам в садике читали. Там Мальвина про этого Трезора заставляла Буратино под диктовку записывать. А он ещё кляксу носом поставил.

– Точно, – улыбнулся дедушка. – Но нам сейчас уж точно не до сказок. Надо срочно возвращаться домой, пока мы тут совсем не закоченели. А ну-ка все вместе, дружно!

Дед и внуки Коржиковы хором проговорили:

– Аргентина манит негра! Желаем вернуться домой! – и... оказались в дедушкином кабинете. На тех самых местах, где они находились перед тем, как перенестись на Северный полюс.

При виде странного полосатого существа с двумя головами и четырьмя ногами Шарик и Факел вновь забились под кресло. Лишь спустя некоторое время, животные поняли, что это вернулись их внезапно куда-то пропавшие хозяева. От хозяев пахло дальними странами и морозной свежестью.

– Фу! – облегчённо вздохнул дедушка, стягивая с внучат тельняшку. – Вот и закончилось наше первое путешествие.

– Эх, – тяжело вздохнула Соня, – первый блин комом. Даже белых медведей не увидели... – Девочка обречённо махнула рукой. – Что там медведей, даже малюсенькую ледышечку на память не прихватили.

– А зачем тебе ледышка? – спросил Моня.

– Ну как же, – удивилась сестрёнка. – Это ведь была бы не просто ледышка, а ледышка с Северного полюса!

– И где бы ты её хранила?

– В морозильнике, – как ни в чём не бывало ответила Соня. – Между котлетами и пельменями.

Моня задорно рассмеялся...

7. Гранит науки

– Ну, теперь-то ты понимаешь, почему прежде, чем отправиться в путешествие, следует немного подучиться? – настаивательно спросил дедушка Соню.

– Понимаю, – понутив голову, ответила внучка. – Знать, всё-таки придётся немного погрызть этот твой гранит науки.

– Придётся, – усмехнулся дедушка.

– Я другого не понимаю. – Соня подняла взор от пола и посмотрела дедушке прямо в глаза. – Почему на полюсе было так холодно? Ведь июль же на дворе, лето.

– Ага, лето, – проворчал Моня, активно растирая отмороженный мизинец на правой ноге. – Да будет тебе известно, что на полюсе даже летом весьма нежарко.

– Точно, – кивнул дедушка. – Средняя летняя температура на Северном полюсе – примерно ноль градусов. А самая высокая зафиксированная там температура – всего лишь пять градусов тепла.

– Всего пять градусов? – удивилась Соня. – Маловато... Эх, жаль всё-таки, что мы не смогли отправиться на Южный полюс. Уж там-то мы точно бы не замёрзли.

Дедушка вновь улыбнулся.

– А вот тут ты ошибаешься, внученька. На Южном полюсе гораздо холоднее, нежели на Северном.

Тут даже многознающий Моня удивился:

– Как так холоднее? Полюса же одинаково удалены от экватора? И значит, температура там должна быть примерно одинаковой.

– Не забывай, что на Северном полюсе нет земли, как на Южном, – ответил дедушка. – Там, под не таким уж и толстым слоем льда – всего каких-то два-три метра, – находится океан.

– А что даёт океан?

– Океан даёт тепло. Именно он согревает воздух на Северном полюсе. Ведь вода в отличие ото льда всегда имеет плюсовую температуру. А Северный Ледовитый океан далеко не весь покрыт льдами. Порою, из-за передвижений масс льда, на Северном полюсе обнажается поверхность моря. Некоторые учёные считают, что из-за глобального потепления, через несколько десятилетий Северный Ледовитый океан на лето будет полностью освобождаться ото льда. Так что нам ещё повезло, что мы не попали на полюсе в полыню. Купание было бы не из приятных. Вода там очень холодная. Всего на несколько градусов выше ноля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.